

А. Супрун-Белевич, К. Иванов

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФОН И
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
БОЛГАРСКОГО ОБРАЩЕНИЯ**

Естественная сфера употребления обращения – диалогическая форма разговорной речи. Обращение – слово или словосочетание, часть языкового сообщения, указывающая адресата передаваемой адресантом информации. Наряду с этой основной функцией, обращение служит и для того, чтобы привлечь и удерживать внимание лица, к которому направлена речь. Таким образом, говорящий получает возможность реализовать свое намерение сообщить что-либо адресату, задать ему вопрос или побудить его совершить действие, диктуемое разговорной ситуацией. По меткому выражению Н. И. Формановской, «обращение – это речь, равная действию, речевой акт со значением «называя, зову» для установления контакта, который дает возможность произнести содержательно важный текст». Значимым для осуществления коммуникативных намерений адресанта оказывается правильный выбор наиболее уместного обращения из выработанного по законам каждого языка набора ситуативных единиц и моделей. Можно согласиться с мнением некоторых авторов о принадлежности обращений к коммуникативным языковым универсалиям, но не следует забывать о том, что именно в этой сфере ярко проявляются национально-культурные специфические характеристики. Они выражаются как в наличии безэквивалентных единиц, так и в конкретной реализации общей модели (например, в использовании аппелятивов – терминов родства, антропонимов и их словообразовательных вариантов, эмоционально-оценочных номинаций). Болгарский и русский относятся к близкородственным языкам, но сравнительный анализ вокативных единиц и моделей показывает, что и в этой паре языков наблюдаются значительные расхождения, которые могут вызвать трудности в процессах межкуль-

турного общения. Целью настоящего исследования является выявление этнокультурной и прагмалингвистической специфики болгарских обращений на фоне русского языка.

Специфические способы выделения обращения в болгарском языке

Болгарский язык относится к языкам, располагающим морфологически оформленным вокативом – специальной формой обращения, по происхождению связанной с характерными для старого звательного падежа окончаниями (только у существительных мужского и женского рода). В языковой практике в последнее время замечена тенденция к замещению нормативных звательных форм у некоторых личных имен их общей формой: *Петър, Иван, Димитър, Калина, Ралица* вм. *Петре, Иване, Димитре, Калино, Ралице*. Считается, что такой процесс развивается под усиленным влиянием моделей иностранных языков и является следствием дальнейшего движения в сторону аналитизма (Хр. Пырвев). Явление затрагивает преимущественно женские собственные личные имена, заканчивающиеся на *-а* и *-я* (*Елена, Христина, Мария*). Встречается в речи интеллигенции, претендующей на изысканность, и связывается с устоявшимся мнением о большей степени грубости и непрестижности звательных форм с окончанием *-о*. На выбор формы обращения сильно влияют социокультурные параметры. Есть основания говорить о том, что частота звательных форм увеличивается в повседневном неформальном общении, а близкие отношения коммуникантов позволяют при помощи обращения ярче выразить некоторые эмоционально-аффективные компоненты высказывания: *Гергано, защо не ми отговаряш? Аз те попитах нещо – Почему ты мне не отвечаешь? Я же тебя спросил!* Функцию звательных форм в общении болгар могут получить уменьшительные, уменьшительно-ласкательные и сокращенные формы личных имен. Таким образом создается большая вариантность, позволяющая производить эмоциональную градацию и эмфатическое синонимическое повторение в реальном общении: *Васил – Васо, Васко, Васе, Васенце, Васка*. Вариативность

формы личного имени особенно характерна в общении детей и с детьми. Героев Анны Каменовой в рассказе «Куто висит в воздухе», например, зовут *Куто*, *Къто* и *Кото*, а их полные имена – *Кръстьо*, *Костадин* и *Кунчо*.

Использование уменьшительных и сокращенных форм собственных имен при адресации речи наблюдается и в русском языке, но в синонимическом ряду, кроме нейтрального, здесь четче выделяются два типа оценочных слов: ласкательный и пренебрежительный.

Следует особо подчеркнуть реальную возможность болгарских гипокористических вариантов перейти в разряд официальных и даже паспортных имен. Важно помнить об отсутствии пейоративно-пренебрежительной коннотации болгарских имен с суффиксом *-к-*. Это связано с отсутствием социальной маркировки суффикса, оформлявшего раньше в русском социуме имена крестьян и должностных лиц низкого ранга. Особая звательная интонация подчеркивается иногда удлинением конечного гласного – морфемы звательности: *Стефанее*. Утрата русским языком морфологического выражения вокатива приводит к тому, что при переводе приходится удлинять вокал в другом месте и добавлять междометие: – *Э-эй, Стефа-а-ан!* (Й. Йовков, «Кошута» («Серна»)).

В группах с разным количеством участников возможна окказиональная номинация адресата именем собственным символического значения. В воспоминаниях артиста Христо Динева упоминается факт употребления имен *Гого* и *Кева* (*Парашикева*) как обращения к мальчикам и девочкам из одной молодежной группы в Варне. Автор приводит и соответствующие объяснения: «Гого у жителей Варны – это категорическая констатация умственной неразвитости, но в данном случае и в других неконкретных обстоятельствах – это ласковая, сердечная интимность для мальчиков и девочек нашей улицы».

Яркой особенностью болгарского обращения является наличие частиц, употребляющихся самостоятельно или дополняющие именное обращение: *хей*, *ле*, *бе*, *абе*, *бре*, *брей*, *мари*, *ма*. При реа-

лизации в речи есть определенные ограничения: *ма* и *мари* используются при обращении к лицу женского пола; *бе*, а особенно часто *бре* – при обращении к лицу мужского пола. Отсутствие единиц подобного уровня в русском языке приводит часто к нулевому переводу или к стремлению сохранить стилевые характеристики текста путем компенсации в других местах и при помощи других средств: *Стой бе, човек! Къде отиваш? – Стой, человек! Куда идеш?*

Расширяют возможности для увеличения количества и разнообразия вокативных единиц и некоторые грамматические особенности болгарского языка. Наличие морфологического выражения категории определенности имен приводит к образованию оппозиции *членная / общая форма имени* и к распределению между ними некоторых функций обозначения адресата речи. По мнению С. Иванчева, артиклевые вокативы выделяются большей непринужденностью и теплотой, чем их корреляты в общей форме: ср., *детето ми, моето дете* и *дете мое, мое дете*.

Современная разговорная практика также дает примеры, в которых членная форма противопоставлена звательной форме, а выбор в ее пользу может быть истолкован как одно из средств придания более неофициального статуса общению: *Хей, господина* (вм. *господине*), *спри* (ты-форма императива) *на пресечката!* (*Эй, господин, останови на перекрестке!*). Употребление членных именных форм очень часто является результатом стремления адресанта понизить коммуникативный статус адресата, демонстрировать свою власть и превосходство: *Вие, пълничкият! – Вот Вы, полненький!*; *Малкият, как се казваше? Забравих ти името. – Мальчик, как же тебя звали? Я забыл твое имя.*

Особая форма обозначения адресата, с помощью которой общению можно придать подчеркнуто официальный характер и дистанцированность, – употребление членной формы в сочетании с транспозицией глагольной формы по лицу (3 лицо в функции второго): *Господинът какво ще желае?* (вм. *Господине, (Вие), какво ще желаете?*).

Разнообразие в выборе формы имени в функции обращения в болгарском языке также проявляется в оппозиции **общая / звательная форма**. Информация о прагматическом компоненте значения обычно отсутствует в лексикографических источниках. Контексты употребления, однако, дают основания предположить, что обращение в звательной форме *приятелю (друг)* чаще обозначает действительно существующую дружескую связь между коммуникантами, наряду с возможным проявлением фамильярности и иронии, а обращение в общей форме, скорее всего, означает имитацию дружбы, маскирует неприязнь, недовольство, раздражение, упрек, воспринимающиеся в некоторых случаях как прямой вызов: *Слушай приятел, ти си мръднал нещо! – Слушай, друг, ты что-то спятил!; Чи, приятел, ела си махни колата! – Эй, друг, иди-ка убери свою машину!* Иногда такое обращение может содержать в себе призыв к успокоению и налаживанию отношений: *Чакай, приятел, я се усмихни! – Подожди, друг, а ну-ка улыбнись!*

Национально-культурная специфика обращений в семейно-бытовой среде

Своеобразие в системе обращений между родственниками и близкими людьми в болгарском речевом этикете проявляется в наличии специфических форм и в условиях употребления совпадающих в своих основных значениях речевых формул. Чаще всего супруги используют обращения по имени в полной либо в сокращенной или уменьшительной форме. Менее частотны эмоционально-экспрессивные *скъпи (дорогой) мой, скъпа моя, мила, мили, миличък, миличка, котенце (котенок), бонбонче (конфетка), гълъбче (голубушка), слънчице (солнышко), душко, душо моя*. В разговорной речи и с некоторым налетом архаичности встречаются обращения *жено, мъжо* (звательные формы) и *жена*. Такие формы являются традиционными и исторически связаны с соблюдением запретов на произнесение имен супругов в семье и в присутствии третьих лиц. Табуирование было более жестким и контролируемым по отношению к речевой практике жены. Существует и обращение *булка*, которое употребляется не только супру-

гом, но и для обозначения адресата речи – замужней женщины среднего возраста другими мужчинами и женщинами. Субъективная оценка уместности использования такой формы может расходиться с самооценкой адресата и вызвать резкое недовольство: – *Че коя си ти (Кто ты?), булка? – Първо, не ми казвайте (не зовите меня) булка, и, второ, не ми говорете на ти (не тыкайте)!*

В болгарском речевом этикете существуют специализированные формы обращения, подчеркивающие разницу в возрасте между детьми: *батко, бате, батьо, бати, байко* – к старшему брату или вообще к старшему мальчику, юноше, молодому человеку, а также к старшему по возрасту близкому человеку; и *како* (зват. форма существительного *кака*) – к старшей сестре или к старшей девушке и даже к женщине среднего или пожилого возраста со стороны более молодого человека вообще. Старшие братья и сестры обращаются к младшим обычно по имени, выступающем чаще всего в сокращенной или уменьшительно-ласкательной форме.

Существуют также вокативные единицы, в которых лексемы *кака* и *сестра* и их дериваты используются в обратном направлении, для обращения старших к младшим: *кака, на кака, на кака момчето* (букв. ‘мальчик сестры’), *какиното (дете, братче, сестриче)*. В речевой практике лексемы *брат* и *сестра* в общей, звательной и уменьшительной форме все чаще употребляются как дружеские обращения к собеседнику вообще с прагматической целью привнести нюанс солидарности или непринужденность, переходящую иногда в фамильярность. Такая тональность общения может быть не принята адресатом: – *Страхотна е жена ти, братче. – Не е точно думата. – Коя? Аз казах няколко. – Думата «братче». – Твоя жена, что надо, браток. – Слово не точное. – Какое? Я сказал несколько. – Слово «браток».*

Особой вариативностью форм отличается лексема *брат* – *брат, братко, братче, братле, брат ми* (букв. ‘брат мой’), *братино, браток, брато, браточка*. Последние пять форм характерны для стилистически сниженных регистров разговорной речи, а

брато в последнее время воспринимается как маркер общения в среде организованной преступности. Иногда происходит и специализация значения для выражения иронии, покровительственного отношения, притворного уважения – например, *Бако, Брайко, Б(р)айно*. В словарях болгарского языка традиционно присутствует и слово *братушка* – сердечное, теплое именование русских солдат и вообще русских, обращение к ним, оставшееся со времен Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. В качестве первоисточника указывается русское *братишка*, а в словаре русского языка В. И. Даля находим это слово в длинном списке подобных ему со значением ‘названия не родного брата, а двоюродного, изродного или названного, крестового’.

Обращения *сестро, сестрице, сестричке* могут потерять силу «кровного родства» и быть направленными к женщине и старше, и моложе говорящего в дружеской среде. В прошлом этими вокативами пользовались с целью задабривания при контакте со сверхъестественными существами (самодивами и навами): *сестрички, майчички*; так же обращалась и невеста к своим золовкам. С запретами использования имен в семейной жизни связана народная практика обращений супруги к родственникам мужа: к незамужним сестрам – *калина, малина, ябълка (яблоко), карамфила (гвоздика), хубавка (красивая)*, к другой молодой родственнице мужа – *ягодица*, к братьям супруга – *драгинко, хубавелко*, к двоюродному брату – *писаре (писан – ‘разукрашенный, нарядный’)*.

Национально-культурная специфика наблюдается и в системе обращений родителей к детям. В первую очередь, привлекают внимание так называемые «обратные» обращения, в которых адресант не называет адресата, а обозначает, кем он ему приходится. Правильной семантизации способствуют ситуативный контекст и паралингвистические компоненты общения – интонация, жест, мимика. Более распознаваемы варианты, основанные на притяжательных прилагательных: *мамин, маминото, чичов, татов, батьов, татовата*, появление которых объясняется стяжением разговорной диалогической речи и эллипсисом определяемого слова в звательной или общей форме (*сине, чедо, дете, рож-*

ба, челяд). Звательные формы обращения родителей к сыну и дочери – *сине, синко, дъще, щерко* – менее частотны, чем обращения по имени и, скорее всего, характерны для эмоционально насыщенной речи.

Интересный пример генерализации мужской номинации замечаем в фольклорных текстах: *Вземи го, синко Борянке*. Здесь мать обращается к своей дочери Борянке. Противоположный, ухудшающий эффект фиксируется в случаях пренебрежительных обращений к мужчине (возможны и к предмету или животному): *жено, женка*. Такое употребление связано с реализацией в языке отрицательной коннотации одного из членов бинарной оппозиции *мужское / женское*.

Фразеологизация словосочетания *майчин син* ('сын матери') привела к затемнению внутренней формы в его вокативном применении: *сине майчин* – обращение к кому-либо, выражающее резкое неодобрение и упрек. Возможно, появление такой языковой единицы основано на наличии трехчленной оппозиции в диалектах и на оценочном потенциале местоимений: *майкин – майкинтин – майкинсин* ('принадлежащий моей матери – твоей матери – матери третьего лица').

Богатство выбора синонимической номинации адресата речи ярко проявляется в речевом поведении говорящего, находящегося в эмоционально-аффективном состоянии. Красноречивый пример такого поведения дает в юмористическом рассказе «Вечеринка» болгарский писатель Чудомир. Мать, чей сын должен прочесть наизусть стихотворение, но остановился и не может продолжить, умоляет его вспомнить выученное: *Ха, мама! Ха, чедо! Ха, Йочко, ха маминото! А бре, Йове! А бре, майка! Забрави ли го (ты забыл его?) бре, сине?...* Отсутствие результата заставляет мать кардинально поменять тональность обращений и дать волю своим чувствам: *А бре думай (говори же!!!), Йове!!!... Казвай (говори!) бре, тъпако! Гиди, обеснико! Гиди, въжернико проклети! Казвай де! Ще казваш ли? А? Гиди, тиквенико! (тъпак – 'тупица'; тиквеник – 'дурак, недотепа'; обесник, въжерник – 'повеса, бездельник, не-*

годяй'; *гиди* – частица при обращениях для выражения неодобрения, укора (от турецкого *gidi* – 'хитрец'))).

Контраст увеличивается дополнительно на фоне целого ряда номинаций с выраженным оттенком нежности к адресату-ребенку: *пиле, пиленце* ('маленькая птичка'), *детенце, гълъбче, душко*; *сладур* (о приятном, миловидном мальчике), *сладурка* (о такой же девочке); *юначе, юнак* – обращение к мальчику младшего возраста (*юнак* – 'герой, молодец'); *чедо, чеденце* ('дитя, дитяток'); двусоставные обращения с притяжательными местоимениями: *моето момче, момчето ми* (к сыну), *моето момиче* (к дочери). Этимологический дублет **чадо** при этом используется священником при обращении к мирянам или к более молодому священнослужителю.

Для обозначения отца в болгарском языке существуют две лексемы – *баща* и *татко* (*тейко, тате, тати, тато*). В качестве обращения используется только вторая. Примечательно, что Толковый словарь болгарского языка в качестве основного значения указывает именно эту реализацию в речи. Обращаясь к своей матери, болгары могут использовать звательные формы лексем *мама* и *майка* (*майко, майче, майчице, мамо, мамче, маме*). Предпочтения при желании сделать обращение более интимным, нежным и ласковым отдаются второму слову. Особо нежное, трепетное чувство раньше выражалось формой *мале* (синкопированный вариант сочетания *мамо* и частицы *ле*). В современном языке такое употребление возможно с целью стилизации. Стилистически сниженными и близкими к просторечному уровню разговорной речи считаются вокативные номинации с краткими притяжательными местоимениями: *баща ми, майка ми*. Переход от обычного *тате* к *баща ми* в более продолжительный период времени может стать свидетельством об охлаждении отношений между сыном и отцом.

Обращения болгарских детей к родственникам отличаются большей вариантностью по сравнению с русскими. Главная причина – в дифференцированности в лексической группе терминов родства по признакам родства по линии матери и по линии отца. Русскому *тетя* соответствуют вокативы *лельо, тетко (тетю)*,

стринко(е), вуйно, а русскому дядя – болгарские *чичо, вуйчо, свако, калеко, лелин*.

Вокативные языковые единицы – регуляторы параметров общения и носители национального колорита

Важную функцию в обозначении коммуникативных «коридоров» выполняют национально маркированные вокативные единицы. Среди них отметим частицы *бе* и *ма*, которые характерны для неофициального и дружеского общения, а их употребление в официальной обстановке воспринимается как проявление грубости и пренебрежения. Целая группа слов, маркирующая параметры коммуникативной ситуации, имеет турецкое происхождение. Часть из них сопровождает обращения, часть самостоятельно выполняет их функции: *джанъм* (*душа моя, жизнь моя*) – для усиления побуждения или для выражения недовольства; *айол* (*эй ты, слушай; эй, милый*) – сигнализирует близость, фамиллярность, добронамеренность адресанта; *аланкоолу* (первоисточник – *аллахин колу* (*человек божий, раб божий*)) – просторечное, пренебрежительное обращение; *холан* (от тур. *oglan* – ‘сын’) – функционально близкое к частице *бе*, с оттенком недовольства адресатом. Общей для всех является принадлежность к сниженной разговорной лексике. Турцизмы используются как обращения к соседу (*комиш*-звательная форма от *комишия*), *хаджи* (звательная форма от *хаджия* – человек, совершивший паломничество в святые места), *адаш* (соименник – друг по имени).

Принцип кооперации в сфере речевой коммуникации проявляется в стремлении болгар часто использовать в обращениях объединяющие говорящего и собеседника признаки: напр. *градски* (из одного города), *селски* (из одной деревни), *наборе* (сверстники, букв. ‘участники одного призыва на службу в армии’).

Подчеркнутое уважение к старшему мужчине, которому около 50 лет, выражают при помощи вокативной формулы «*бай* + собственное имя». Она не имеет соответствия в русском речевом этикете. Сложность добавляет и то обстоятельство, что нижняя возрастная граница не очень четкая – главным критерием является

высокий общественный статус мужчины. Для одного из самых известных литературных героев – Бай Ганю, автор Алеко Константинов отмечает, что он – «господин молодой: самое большее – лет тридцати на вид».

Источниками проблем при межкультурном трансфере болгарских обращений в русской языковой среде могут оказаться также:

1. специфические лексические средства для обозначения уважительного отношения в непривычной для принимающего языка форме: *дядо (дедушка) попе*, *дядо Владика* – обращение к духовному лицу в бытовой сфере, *дядо Боже* – обращение к Богу у детей; *отче* (зв. форма слова *отец*) – разговорный вариант обращения к православному священнику);

2. особенности прагматики деминутивов – вокативов: *момиченце (девчонка)*, *момченце (мальчишка)* в определенных случаях снижают коммуникативный статус адресата и выражают упрек к нему, *глупаче (дурачок)*, *глупчо глупави (дурачок дурной)* в дружеском общении выражает сочувствие и добронамеренность; *баицице* (от *баща (отец)*), деминутив *баицица* – обращение при настоятельной просьбе об услуге, общий аппелятив в речи адресанта цыгана; *господинчо*, *госпожичке* – для проявления иронии и насмешки;

3. особенности употребления квалитативов адъективного происхождения: *уважаеми, драги, скъпи* (напр. *Уважаеми господин министър-председател*, *Уважаема госпожо министър*, *Уважаеми гости*, *Драги колеги* (из речи Ректора Софийского университета);

4. условия употребления обсценных слов: обращения *пич*, *копеле* ('внебрачный ребенок') теряют негативную коннотацию в молодежной среде друзей: – *Копеле, хайде да спрем и да пием по една боза. – Давай остановимся и выпьем бозы. Ср. – Копеле нахално!* (обида в ситуации конфликта);

5. различия в номенклатуре, структурных моделях и условиях реализации квалификативно-оценочных и метафорических обращений: *магаре (осел)* как добронамеренное обращение к другу

или к себе и как обидное название, *дяволе* – обращение к хитрому и коварному человеку, которому не верим и хотим это ему показать;

6. семантизация обращений – модификаторов, усилителей фрагментов высказывания и обращений для обобщенной номинации. Здесь сложность заключается в несовпадении сферы применения таких единиц, как *човек*, *човече*, *мой човек* и их близких по форме русских коррелятов *человек*, *человече*, *мил-человек*. Несоответствия в их дистрибуции приводят часто к нулевому переводу: – *Разбери бе, човек, шегувам се!* – *Да пойми же ты, я шучу!* – *Човече, ти от небето ли си паднал?* – *Ты что, с неба свалился?*; – *Мой човек, специална покана ли чакаме?* – *Ты что, специального приглашения ждешь?*

Фактически указанные обращения все реже воспринимаются как таковые и превращаются в обобщенный знак. Один из героев повести «Таралеж» («Еж») Йордана Радичкова – автотехник, обращается и к людям, и к ремонтируемым им деталям машины, и к собаке одинаково: *мой човек*.

Систематизация вербальных средств обращения и привлечения внимания адресата является необходимым условием при изучении других языков и культур. Национальная специфика болгарских обращений имеет свои корни в особенностях развития языка, в истории страны, в культурных влияниях, в традициях народной культуры. Накопленный фактический материал помогает выделить важные черты коммуникативных сценариев в речевом поведении болгар, раскрыть глубже этнокультурную информацию и прагматические компоненты значения болгарских вокативных единиц и моделей, показать значение социокультурных и интенциональных параметров при конкретном выборе обращения, выработать доступные практические рекомендации для их передачи средствами русского языка.